

Вера Сурво, Арно Сурво

ВЕРХНИЙ ОЛОНЕЦ — НОВЫЕ ТРАДИЦИИ

В последние два десятилетия на Русском Севере реализуется немалое количество культурных и экологических проектов, связанных с работой музеев и национальных парков. Наряду с известным положительным эффектом «музеефикационная» деятельность имеет также иное, зачастую остающееся вне исследовательской рефлексии значение для местных культурных и культовых ландшафтов. Понимание происходящего на культурных маргиналиях предполагает прежде всего обращение к предыстории современных процессов, что особенно актуально в ситуации, когда экологические и краеведческие дискурсы не обременены какой-либо критичностью.

В 1964 году научные сотрудники Петрозаводского института языка, литературы и истории Академии наук СССР издали коллективную монографию «Верхний Олонец — поселок лесорубов» (ответственный редактор — К.В. Чистов)¹. Описание жизни поселка лесозаготовителей стало первым опытом этнографического изучения рабочего класса Карелии. Комплексное исследование отражало происходившие в республике изменения послевоенного периода: развитие лесной промышленности, новации в быте и духовной сфере, активизация миграционных процессов, сопряженная с увеличением доли неместного населения. За кратким очерком истории и экономической характеристикой Верхне-Олонецкого микрорайона следует рассмотрение вопросов производственного быта, общественной жизни, социальной структуры, семейных отношений. Завершают труд главы традиционной этнографической тематики, посвященные материальной и духовной культуре.

Во время полевых исследований летом 2009 года мы побывали в Верхнем Олонце. В основе экспедиционной «легенды» была книга «Поселок лесорубов», вокруг которой должно было разворачиваться общение «краеведов» с местными жителями. Поселок расположен неподалеку от федеральной Мурманской трассы. Останавливаемся у отворота. На обочине — сувениры и утварь из дерева. В ожидании покупателей время напрасно не теряется: тут же оборудован миниатюрный верстак. Наш первый собеседник из «пришлых-местных». Валерий Иванович живет в поселке уже четыре десятка лет, до выхода на пенсию работал директором школы:

«Эта книга еще до меня вышла... Да, был поселок у нас... Герой Соцтруда Кошкин...»

«А теперь-то как дела у вас идут?»

«А теперь — всё. Кончилось... Вон поедете как туда, гаражи, ангары — всё сносят... Лесного производства нет. Школа осталась, но только 6 классов...»

¹ Верхний Олонец — поселок лесорубов (опыт этнографического описания) / отв. ред. К.В. Чистов; колл. авт.: В.В. Пименов, Р.Ф. Тароева, З.Н. Кельсеева, У.С. Конкка, Т.И. Вьяйзенен, В.И. Ильина. М.; Л.: «Наука», 1964.

Жителей по избирательным спискам 300 человек... Я раньше, в 67-м году, сюда приехал, школа была — 280 человек, в две смены занимались!.. Жителей намного больше было, лесовозы стояли по 10 штук, лес возили день и ночь!.. Потом — перестройка, и — всё. Осталось только лесничество».

«А это у Вас — работа по дереву как хобби?»

«Да, хобби. Пенсию получаю. Берут люди. Я по трудам был преподаватель, институт кончал как географ, учился в Петрозаводске... Клуб раньше такой был! Разбомбили все [*местные жители разобрали на стройматериалы. — В.С.*]! Теперь вместо клуба стоит телевизор».

«А есть ли у вас часовня или церквушка?»

«Раньше не было, а теперь построили. Построил бывший наш ученик Алексеев Павлик — верующим стал. Он кончал университет, филфак. Потом работал партгором на железной дороге. Стал верующим и вот построил церковь, теперь колокольню рядом строит... Я говорю: “Во, Паша, дожил!..” Я там ему и рамы помогал делать, иконостас, подставки, там... Раньше-то был молодежный поселок. Я помню, Кошкин — мы с ним часто на рыбалку ездили, вот сидим у костра, он говорит: “Я тебе секрет открою. Орден Ленина имею, а как сегодня зашли гости — у меня икона висит. Говорят: “Василий Петрович, чтобы сегодня же иконы не было!” А так верующих душевно нет, наверно. Так, повесили кресты. Приезжает поп с Интерпоселка, крестил... При мне крестили в школе...»

В советский период деревенские клубы и библиотеки были центрами социальной жизни, обеспечивавшими преемственность поколений (концерты,

Рис. 1. Эта книга еще до меня вышла

танцы, демонстрация кинофильмов, чествование ветеранов войны и ударников труда). Судьба прежних очагов культуры Верхнего Олонца и появление новых красноречиво свидетельствуют о динамике изменений, происходящих в культурном пространстве поселка. В Верхнем Олонце сегодня сложилась ситуация «двоеверия», характерная для религиозно-магической практики и имеющая ту же гендерную акцентированность: интравертная женская религиозность (клуб «Рябинушка») и экстравертная мужская, соответствующая традиционной для Карелии «государственной» религии (православный храм, строящийся за пределами поселка). Инициаторами строительства православной часовни, в итоге ставшей церковью, были и участники клуба «Рябинушка», деятельность которого поддерживается финляндскими лютеранами.

«Это общественная организация, создали лет 10 назад... В сложное время магазин закрылся, баня закрылась... Леспромхоз начал сокращаться, потом закрылся... Такой период был. Закрылся и Комбинат бытового обслуживания, где находится сейчас клуб “Рябинушка”»...

«В 1990-е годы много в Карелию ехало конфессий — евангелисты, баптисты, лютеране...»

«Евангелисты и лютеране — это одно направление... Они стали приезжать, мы стали общаться, разговаривать. ... Английский язык помогал. И переводчик был... Мы все делимся тут. Всех интересует вопрос почему-то: кто я?»

«А вот храм за деревней строится, Вы не ходите?»

«Ходим. Вот красить будем помогать... Мы помогаем там, платим свою десятину. Мы, учителя, вкладываем свое... Понимаем, принимаем участие в деятельности поселка, на эти деньги ведь строится... Вот и женский клуб по нашей инициативе... Стояло закрытое здание, оно стало брошенным. Местные люди, как обычно, разбирать стали по соседству клуб. Столовая еще была. Наши люди стали дергать окна, двери, вагонку, потом кирпичи, это, это... И получилось так, что весь клуб разобрали — построили себе кто крылечки, кто верандочки... А клуб был — такое добротное большое здание, раз — и нету! Потом стали уже за это здание браться. Не успели мы быстро спохватиться, за клуб постоять — так как-то резко, быстро все растащили... Просто варварски разобрали! Жители поселка сами это делали... Мы решили, что в этом здании мы будем заниматься. Там у нас станки ткацкие есть, швейные машинки мы купили, есть кухня, где мы готовим. Самый любимый у нас кружок “Изучение Библии”. Конечно, многие нас ругают, критикуют. Преподаю я и учительница истории. Мы вначале сомневались, можем ли преподавать, ведь сами еще Библию плохо знаем. От начала до конца я никогда ее не читала, все частями какими-то, эпизодами. Сейчас вот летом хочу от начала до конца всю Библию прочесть... Финны очень поддерживают наш женский клуб — они нам нитки привозят, материалы...» (из интервью с Л.П. Кононыхиной).

Активистки «Рябинушки» обустроили здание бывшего детсада под краеведческий музей и детский клуб. Одна из комнат отведена под мемориал, посвященный истории поселка. Наряду с традиционной утварью в музее представлен актуальный для времени написания «Поселка лесорубов» быт 1950–1960-х годов, а к наиболее ценному наследию прошлого относится сама книга.

«То есть у вас настоящий краеведческий музей!»

«Можно сказать, что да».

Рис. 2. Это очень дорогая книга

«У вас как в книге, когда писалась — вот даже можем открыть здесь. Вот отражено “Семья и семейный быт” — отказываются от самодельной мебели, как было принято у карел, как живут...»

«Да, я эту книгу почти наизусть знаю. Это для нас настольная книга. Ну, не настольная... Библия — настольная, но с этой книгой мы очень много работаем. Проводили “Вечер памяти” нашего поселка, вспоминали, викторину делали. Все отсюда использовали. Это очень дорогая книга, мы ее чуть не потеряли в библиотеке... Тираж ведь небольшой» (из интервью с Л.П. Кононыхиной).

Помимо прочего монография «Поселок лесорубов» в свое время решала идеологические задачи в качестве свидетельства преимуществ социалистического строя в Карелии над капиталистическим в соседней Финляндии, близкой и географически, и по основной промышленной отрасли. Этот аспект имел особое значение в хрущевские времена, когда звучали обещания скорого построения коммунизма. В книге не раз проводятся параллели с повседневностью финляндских лесорубов. Сравниваются бытовые условия (в Финлян-

дии лесорубы зачастую проживали в бараках, рабочие карельского поселка — в собственных домах), уровень электрификации жилья лесных поселков (в Карелии — выше); доступность медицинской помощи (в Верхнем Олонце была своя амбулатория, финляндские же лесорубы были лишены элементарной медицинской помощи и пользовались советами из брошюры «Как обеспечить себя от несчастных случаев»)¹. «Поселок лесорубов» относится к разряду «забытых» и «несуществующих» текстов². Редкие ссылки на монографию в отечественной и зарубежной научной литературе имеют, как правило, третьестепенное значение, хотя она появилась, когда подобные финляндские проекты были лишь в стадии планирования.

В 1960—1970-х годах в финляндской этнографии актуализировалось изучение городского населения, различных профессиональных сообществ, предприятий и их истории, в целом городской культуры. Популярными в то время были также исследования, посвященные взаимоотношениям человека и окружающей среды, традиционным видам природопользования, современному состоянию традиционных промыслов (оленоводство, рыболовство). Труды этнографов, посвященные изменениям в сельской жизни, вызывали интерес у довольно широкой читательской аудитории. Как отмечает Ю. Лехтонен, этнографические штудии отвечали настроениям тосковавшего по своим корням первого поколения горожан спальных районов³. В 1979 году был издан обобщающий труд «Народная культура Финляндии»⁴ под авторством И. Талвэ, где сельская культура получила разностороннее освещение, отдельные главы повествовали о культуре городского населения и промышленных районов.

Вместе с исчезновением финляндской деревни ее изучение теряло смысл. К началу 1960-х годов крестьянство составляло менее 30 % от населения и более не олицетворяло национальный идеал для урбанизовавшейся страны⁵. Интерес исследователей переключился на изменения в традиционном образе жизни. Особенно результативными стали комплексные исследования, объединившие этнографов, историков, культурологов, географов, фольклористов, религиоведов и социологов. Итогом междисциплинарных проектов стали коллективные труды: «Изменяющаяся деревня», «Общество в деревне» и «Деревенские, граждане». Если в первых двух случаях акцент делался на историче-

¹ Верхний Олонец. С. 55, 89, 140, 149 и др.

² Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин: «Александр», 1992. Т. I: Статьи по семиотике и типологии культуры; Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 350.

³ Lehtonen J.U.E. Kansatieteen tutkimushistoria [История этнографических исследований] // Polkuja etnologian menetelmiin [Тропинки, ведущие к методам этнологии] / Toim. P. Korkiakangas, P. Olsson, H. Ruotsala. Helsinki: Ethnos, 2005. (Ethnos-toimite, 11). S. 19.

⁴ Talve I. Suomen kansankulttuuri. Historiallisia päälinjoja. [Народная культура Финляндии. Главные исторические линии] Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1979. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 355). Ср. различия в степени обобщений: «финская народная культура» в ранее изданном труде Т. Вуорела (Vuorela T. Suomalainen kansankulttuuri. [Финская народная культура] Porvoo: WSOY, 1975) и «народная культура Финляндии» у И. Талвэ. Хотя в финляндском контексте *suomalainen* имеет двойственное значение *финский / финляндский*, в названии монографии Т. Вуорела присутствует более узкий «аграрно-этнический» смысл.

⁵ Lehtonen J.U.E. Kansatieteen tutkimushistoria. S. 19.

ском аспекте, то в третьем основной задачей было изучение общественных перемен¹.

В послевоенный период изучение исчезавшей финляндской деревни курировалось целым рядом именитых ученых с опытом военно-полевой работы, что составило основу современной культурно-идеологической экспансии финляндцев на Русский Север. Отечественные и зарубежные исследователи подчас увлечены воспроизводством симулякров «этнографической действительности» и созданием «этнографических» деревень, где разодетое в музейную одежду население занималось бы экзотическими промыслами и принимало бы туристов. В то же время упоминания в западных СМИ о повседневно, естественным образом сохранившей какие-то стороны традиционного уклада, служат примерами культурной и экономической отсталости постсоветской деревни. Активное участие финляндцев в проектах национальных парков Русского Севера, «этническом» туризме и в миссионерской деятельности диктуется внутрикультурными ожиданиями, воплощение которых по экономическим причинам никогда не было реальным в самой Суоми, не говоря уже об эфемерности других предпосылок.

Карелия представляет собой своеобразный полигон этнокультурных контактов двух (с определенной долей условности) этнических миров — прибалтийско-финского и славянского (русского). Динамика этих контактов, ведущих свое начало со Средневековья, не ослабевает по сей день. Выводы авторов «Поселка лесорубов» свидетельствовали о модернизации всех областей жизни, росте благосостояния, качественном скачке в духовном развитии населения, интенсивном обмене в культуре и быте, процессе сближения, происходившем между разными народностями при всестороннем влиянии прежде всего русской культуры. На лесозаготовки в республику в основном приезжали белорусы, украинцы и русские из центральных регионов страны.

«Как пришла идея построить храм? Ведь раньше, вот как в книге, — белорусы, украинцы, карелы — вместе строим социализм!»

«А теперь вот вместе строим церковь... Ну мы много говорили с жителями поселка, со стариками, которые уже умерли. Они говорили, что было бы неплохо, если бы появилась церковь... Те глубокие старики, рожденные еще до революции, сказали, что надо строить церковь... Я вам скажу, какая идея была — как храм есть в каком-то населенном пункте, он не умрет...» (из интервью с П. Алексеевым).

Положительным фактором в случае с Верхним Олонцом служит то, что он оказался вне пределов деятельности музейных и экологических проектов. Инициатива по развитию поселка исходит со стороны самих местных жите-

¹ Muuttuva kylä: Turun yliopiston kylätutkimusryhmän loppuraportti [Меняющаяся деревня: итоговый рапорт исследовательской группы Туркуского университета, занимавшейся изучением деревни] / Toim. P. Tommila, I. Heervä. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1980. (Tietolipas, 84); Yhteiskunta kylässä: tutkimuksia Sivakasta ja Rasimäestä [Общество в деревне] / Tutkijaryhmä: P. Rannikko ym. Joensuu: Joensuun yliopisto, 1984. (Karjalan Tutkimuslaitoksen julkaisuja, 61 / Joensuun yliopisto); Kyläläiset, kansalaiset: tulkintoja Sivakasta ja Rasimäestä [Деревенские, граждане] / Tutkijaryhmä: S. Knuutila ym. Joensuu: Joensuun yliopisto, Karjalan tutkimuskeskus, 1996. (Joensuun yliopisto / Karjalan tutkimuslaitoksen julkaisuja, 114). В туркуском проекте объектом изучения были 4 деревни, в севернокарельском — 2 (в них проводились исследования также в 1980–1990-е годы).

Рис. 3. А теперь вот вместе строим церковь

лей, борющихся против закрытия школы, строящих храм, обустроивших собственный краеведческий музей и женский клуб «Рябинушка». В преодолении произошедшей фрагментации культурного ландшафта формируются локусы коллективной «самости». В свою очередь поднятие таможенных пошлин на вывоз леса будет способствовать возрождению лесопромышленного комплекса и решению проблемы трудоустройства населения.

Напоследок у погоста беседуем со строителями церквушки. Они с интересом листают «Поселок лесорубов», узнают на фотографиях земляков, лежащих за кладбищенской оградой, ностальгически ухмыляются, изредка комментируют: «Сегодня все больше дачников...»

«Ну что ж, тогда следующая книга будет “Верхний Олонец — поселок дачников”, так?»

«Нет. Я думаю: “Верхний Олонец — новые традиции”».

Изучая традиции карел и вепсов, финляндские исследователи на первое место ставили этнический аспект, были заняты поиском родственных черт, тогда как, например, социальные и экономические стороны жизни не привлекали особого внимания, поскольку в них интерпретаторы видели лишь отра-

жение русского влияния¹. В этом смысле «Поселок лесорубов» и другие подобные тексты советского периода представляют собой определенную антитезу этноцентричным зарубежным исследованиям. Ценность обоих корпусов текстов заключается в том, что они содержат возможность стереоскопичного взгляда на преемственность традиций и предысторию современного диалог-конфликта между «местным» и «пришлым», по-разному и с различных идеологических позиций описывая и анализируя смежные или даже одни и те же культурные пространства.

¹ Хейккинен К. Использование этнографических материалов в исследованиях семьи // Väestö ja perhe Karjalassa: Joensuun yliopistossa 24–26.09.2003 pidetyn seminaarin esitelmät [Население и семья в Карелии: доклады семинара, проводившегося в университете г. Йоенсуу 24–26.09.2003] / Toim. Y. Shikalov, T. Hämynen, J. Partanen. Joensuun yliopisto, 2003. (Historian tutkimuksia, 23). S. 165.